

ЮБИЛЕЙ

"Мне не так много лет, как вы думаете"

— Я обычно начинаю свой день с поездки в академию. Это мой обязательный пункт, — рассказывает Илья Сергеевич, снимая на ходу плащ. В зале переговоров его уже ждут преподаватели. Сегодня — вручение дипломов. Не успешему присесть на свое место великому художнику вываливают на стол бумаги об окончании академии, которые надо подписать.

— А вы не скажите, посмотрите, как у нас красиво, какие цари, — указывает бесшумный ректор на целую плеяду самодержцев, которые "смотрят" на всякого входящего, словно живые.

— Такой академии нигде в мире нет. Когда я только выбил здание, а это было почти 20 лет назад, здесь была такая разруха! — качает головой Глазунов. — Но я решил, что храм искусства обязательно надо сделать в стиле, который бы напоминал стиль Баженова, когда здесь располагалось знаменитое училище живописи, ваяния и зодчества, связанное с именами Саврасова, Левитана и других корифеев русского искусства. Интерьеры создавали по моим эскизам. Кстати, а библиотеку нашу видели? Образец Петербургской академии художеств.

...Ну вот, кажется, все дипломы завизированы. Маэстро спешит в актовй зал, на ходу потушив сигарету. Появление эмюции человека в академии вызывает бурю эмоций присутствующих.

— В этом году, хотите или нет, вы будете отмечать большой юбилей... — заведующие кафедрами пытаются поздравить маэстро.

— Мне не так много, как вы думаете, — отшучивается Илья Сергеевич и переходит непосредственно к торжественному моменту.

Почти у каждого получающего документ он интересуется темой диплома и рекомендует преподавателям издать работы выпускников. На лицах бывших студентов явная радость. Преподаватели — все более задумчивы...

— Ой, а вот хорошая девочка, не хотите взять на кафедру? — продолжает устраивать на работу еще не вышедших из стен вуза выпускников.

— Ну и, конечно же, как можно не поцеловать ручку у девушки с декольте... А кто напишет работу о Колесникове, Горбатове или Жуковском — готов расцеловать ручки и ножки, — не унимается Илья Сергеевич.

На этой высокой ноте церемония заканчивается. Море улыбок, у кого-то слезы. Бывшие выпускники стоят в очередь, чтобы сфотографироваться на память со знаменитым художником.

— Я с большим удовольствием, но давайте побыстрее — сейчас строители приедут. Чувствую, будет жаркий разговор.

"О меценатах можем только мечтать"

Время перевалило за обеденное, но маэстро Глазунов о еде как-то не думает. На повестке дня — совещание по строительству. Обсуждается проект реставрации выставочного зала для академии, в котором когда-то состоялась первая выставка передвижников. В зале переговоров — чиновники и руководители строительных служб. На столе, где недавно лежали дипломы, — чертежи архитектурных проектов и наброски. Секретарь приносит чай и печенье. Ректор начинает с вопросов "в лоб".

— Это что?! Мне не нравится, я вам сам нарисую. Если я хочу улей — значит, надо улей. Все это должно соответствовать духу Баженова. Вопрос о студенческом общежитии вызывает жаркие споры.

— Когда наконец приступите к ремонту? А то нам талантливых иногородних студентов некуда селить, — интересуется маэстро.

Сидящие за круглым столом ссылаются на чиновничью бюрократию и невозможность начать в ближайшие сроки.

— Если что-то вообще продвигается, то это только благодаря вашему имени, Илья Сергеевич, — разводит руками один из начальников.

— Мест хватает? — Строим на сорок, а надо шестьдесят, — рисуют строители не очень радужную картину.

— У нас есть предложение — давайте брать искусствоведов только из Москвы и области?

Ректор отвергает предложение, поясняя, что экономить на таланте — самое последнее дело. Совещание длится несколько часов — и уже часовая стрелка приближается к цифре шесть. Наконец все расходятся. Мы выходим из кабинета.

— Откуда берете средства на строительство? У чиновников?

— Мы — вуз федерального подчинения и живем согласно финансовой сетке, как все государственные институты. О меценатах можем только мечтать. Они редко встречаются...

— Вы хотели посмотреть, как я работаю? Вам повезло — у нас сегодня насыщенный день, впрочем, как всегда.

Народный художник Илья Сергеевич Глазунов только что появился в стенах основанной им Академии живописи, ваяния и зодчества. Приветливо жмет руку и приглашает проследовать за собой. Мы проходим в приемную маэстро, где его аудитории уже дожидаются несколько человек. Известный миллионер художник и ректор в одном лице за несколько минут выслушивает вопросы каждого, отдавая рабочие распоряжения, шутя и даже размышляя о погоде. Для кого как, а для Глазунова 75 лет вовсе не повод отходить от дел.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Портрет Лоллобриджицы стал пропуском в жизнь

На выходе из академии маэстро сталкивается со своим сыном Иваном, который преподает здесь же, заведует кафедрой композиции. На лице Ильи Сергеевича вновь улыбка, как будто и не занимался только что разносом нерадивых сотрудников.

— А это что? — Глазунов замечает в руках у сына икону. — Оч-чень хорошо, молодец.

— Да я еще не закончил, — смущается Иван. — Лики надо дописать, ну и остальное... Это будет целый иконостас в церкви на месте убийства царской семьи у Ганиной ямы, заказчики — состоятельные предприниматели с Урала, — поясняет нам Иван.

— Что папе подарите? — спрашиваю тихонько, чтоб именинник не слышал.

— Не знаю пока. Обычно дарю древние иконы или предметы старины. В общем, то, что он любит.

Отец с сыном перекидываются парой слов, и мы отправляемся дальше, в галерею Ильи Сергеевича.

Здание неподалеку от храма Христа Спасителя выделяется на фоне остальных не только своим величественным видом, но и изумрудным цветом.

ГАЛАКТИКИ

— Я выдержал борьбу за цвет фасада. Мне сказали, что нужно выкрасить его в желтый, дабы вписывалось в стиль района. Но я посчитал, что галерея не может быть желтым домом! — пока подъезжаем ко входу, делится Илья Сергеевич. — А вообще, конечно, я очень благодарен Юрию Михайловичу Лужкову и мэрии за организацию галереи.

Проходим внутрь — все та же статья. Сразу ощущается дух усадебных построек Москвы XIX века. Разглядывая сводчатые потолки и мраморные лестницы, едва не поскользнулась на паркете, украшенном причудливыми узорами. Художник Глазунов словно читает мои мысли, продолжая разговор: — А еще мне предлагали поставить стек-

лянные лестницы и сделать галерею с евроинтерьером. Но разве можно такое создавать в исторической части Москвы? Маэстро проходит вместе с нами по нескольким залам. В одном из них помимо картин — фотографии из жизни художника. На одной — Илья Сергеевич пишет Джину Лоллобриджицу. Не могу не спросить, каким образом получилось столь необычное знакомство.

— На открытие кинофестиваля в Москву приехали Лоллобриджида, Феллини, Висконти... Я написал их графические портреты. После этого они пожелали иметь портреты маслом. Тогда я пошутил: для этого есть два пути — либо вы приедете в Москву, либо я приеду в Рим. Но шутку восприняли всерьез — по их пригла-

шению после долгой борьбы с Министерством культуры СССР я выехал в Италию. Это был 1964 год. А ведь я даже не был членом Союза художников и находился в опале! Это было первое мое восхождение на мировую ступень. А Джину Лоллобриджицу я до сих пор считаю одной из самых прекрасных женщин мира. Это мой тип женщины.

— Я смотрю, сегодня у вас довольно спокойно...

— Да, у нас столпотворение обычно по выходным. Милицию вызывали на каждое открытие моей выставки в Манеже. Правда, несмотря на это, в 2000-м в Манеже все-таки была сломана дверь... Туда за месяц пришли сотни тысяч людей. Я всем в жизни обязан моим зрителям, которые в шесть утра занимали очередь. Это давало и дает мне право на жизнь. Любовь народа — высшая оценка.

— Но вы ведь и с президентом часто общаетесь?

— Я был с ним знаком еще до того, как он стал президентом, — говорит маэстро. — Сейчас вот мы приглашаем Владимира Владимировича посетить галерею и академию. Но, очевидно, таким людям, как он, очень трудно найти в своем графике свободные минуты. Надеюсь, что когда-нибудь это произойдет.

...За полтора часа хождений по залам понимаю, что мои ноги отваливаются. Но еще меньше понимаю, как можно было создать все эти шедевры — от монументальных живописных полотен до образов Достоевского.

— Это далеко не все. 360 самых значительных моих картин я подарил Москве, — комментирует художник.

— Выходит, в вас просто неиссякающий источник вдохновения?

— Я всегда чувствовал в себе какую-то внутреннюю энергию. Я работаю день и ночь и могу пожаловаться не на отсутствие вдохновения, а лишь на ситуацию, которая не дает мне работать.

За разговорами проходим мимо

ампирного стола, на котором лежит толстенная книга отзывов.

— Кстати, давно не заглядывал, — останавливается вдруг маэстро Глазунов. — Что пишут?

— Никакой критики нет, Илья Сергеевич, один восторг и благодарности. Вот, например: "Мы гордимся, что ЮНЕСКО наградила вас "золотым глазом" Пикассо за вклад в мировую культуру и цивилизацию. Вы такой в России только один", — не без удовольствия сообщает работница галереи.

— А вот и критика, — художник натывается на надписи: "Беспрецедентная наглость с претензией на искусство".

— Да, но тут люди устроили чат в книге, — указываю на стрелочку, что ведет к надписи: "Чтобы высказывать такие вещи — научитесь сначала грамотно писать". Илья Сергеевич смеется: — Это интересная критика. А вот к клевете злопыхателей, их официальной критике я отношусь с юмором. Раньше, например, писали всякую чушь, что Глазунов рисует одинаковые глаза. Надо же! Одинаковые глаза! Когда об этом услышал Сергей Владимирович Михалков, человек, которому я многим обязан, он сказал: "Попробуйте вставить глаза князя Мышкина в глаза вьетнамского ополченца! Если совпадут — значит, вы правы..."

"Хочу подарок, который никогда не получу"

До дома-мастерской народного художника пять минут езды на машине. Картины старых мастеров, портреты русских царей, огромный резной стол ручной работы, царские стулья, камин.

— Вот здесь я принимаю гостей и учеников. Здесь же и работаю, — маэстро Илья Сергеевич открывает зеркальные двери, и мы попадаем в его мастерскую. Начатые работы, холсты, мольберты. На противоположной стороне во всю стену огромный холст — четыре на восемь метров.

— Я принялся за новую работу. Картина будет называться "Раскулачивание". Это страшный отрезок истории России, уничтожение русского крестьянства. А вот это — мои наброски, — указывает гений на небольшое метровое полотно, на котором линии карандаша переплетаются причудливыми узорами. — Тут, конечно, ничего не понятно, мне и самому не понятно, хотя все мысленно давно написано, — улыбается художник. — Не менее ста фигур должно быть в картине. Написать картину — это как создать роман или симфонию, очень трудная работа. Буду искать живые типы, самую соль русского крестьянства. Ну давайте сделаем передышку. Инна, принеси гостям чай, — говорит Илья Сергеевич. Пока готовятся чай и бутерброды, решаюсь задать юбиляру несколько вопросов.

— Ну и как — уже подготовились к празднованию?

— Да какое там празднование? Я вообще об этом не думаю. Мы, например, долго не знали, где отмечать. Решили все-таки в галерее. Нужно понять, кто придет из мэрии, какие друзья сейчас в Москве. Как бы кого не забыть...

— Какой подарок хотели бы получить?

— Больше всего на свете я не люблю получать подарки. Например, ко мне приходят студенты с цветами, я смотрю и думаю: "Бедные ребята — потратились, лучше бы краски себе купили, мне было бы приятнее. Ведь эти розы сейчас стоят 100 рублей за штуку, а у них стипендия 500 рублей!" Хотя их забота так трогательна.

А в целом я бы хотел получить всего лишь один подарок, который я никогда не получу: возможность спокойно работать. Всецело отдавая время своему творчеству. Хотя долг гражданского служения обязывает меня трудиться в академии, а также дописывать книгу "Россия распятая" — исповедь художника и гражданина, которая недавно вышла в издательстве "Олимп".

Илья Сергеевич тушит очередную сигарету в расписной фарфоровой пепельнице.

— У великого художника Глазунова много вредных привычек?

— Вредные привычки? Прежде всего это курение, как видите. Пытался бросить — не получается. Но зато я не пью, об этом все знают.

— А что насчет характера?

— Я о себе очень скромного мнения. У меня нет переоценки себя как художника, но при этом я очень хорошо знаю себе цену. Мои особенности — робость в личных делах и бешеная неукротимость в пробивании общественных дел. Например, в создании академии и галереи. А в личной жизни я очень часто себя недооценивал, и это мне мешало.

— Но хотя бы звездой себя ощущаете? Не зря теперь целая галактика может гордиться тем, что в ней есть планета имени великого Ильи Глазунова...

— Нет, — Илья Сергеевич смеется. — Я себя ощущаю вечным солдатом великой России, которого обуревают множество идей. Звезд не существует, потому что искусство — это дар Божий, который либо есть, либо его нет.

...Старинные настенные часы пробили одиннадцать вечера. Илья Сергеевич начинает рисовать этюд к новой картине. Мы прощаемся с маэстро. Напоследок решаю задать традиционный вопрос о творческих планах.

— Вы знаете, у меня еще столько идей! Ведь я сделал одну сотую часть того, что бы хотел, потому что всю жизнь прожил не благодаря, а вопреки. Но, если бы мне предложили прожить ее снова — я прожил бы ее точно так же. Сейчас начнется ночь, все утихнет, и я буду, как всегда, работать допоздна...

Ульяна КАЛАШНИКОВА.